

Аполлон Николаевич Майков

(1821-1897)

Иафет

...И Ной до лет маститых дожил,
И Бог его благословил,
И род сынов его умножил,
И им всю землю разделил.

И Иафет пошел к полночи,
Держа к звезде полярной очи,
И стал он у Кавказ-горы,
И там разбил свои шатры.

И был, как полныя кошницы,
Обилен стан его добром.
Стеной широкой колесницы
Стояли праздныя кругом.
Меж них паслись, высокогруды,
Степные кони и мулы,
И двугорбатые верблюды,
И мягкорунные овны.
И наконец пришло время,
И страшный час настал: бежит
Все многочисленное племя
На холм и к праотцу спешит
С соседних гор и из долины,
От стад и плугов, из шатров...
На головах – льняной покров,
Одеты в кожи все зверины.
На холме том, и дряхл и сед,
Кончался старец, изнуренный
Тяжелой ношей многих лет,
Племен сих прадед вдохновенный,
Их вождь в пустыне, Иафет.
И патриарх среброволосый
Скорбящий род совокупил;
На небо, море и утесы
Взор просиявший устремил.
Всходило солнце. Гор громады,
Их ледяныя колоннады
Восток пурпурный обагрят.
И старец рек: «Когда удары
Громов Господних пронеслись;
Когда, свершительницы кары,
В брегах пучины улеглись;
Когда, как мост, от Арарата
На льдами венчаный Кавказ

Дуга спасенья извилась,
Я вел стада свои у ската
Горы. Явился мне тогда
Безвестный муж. Над ним светила
Большая, яркая звезда;
На раменах златые крила, —
Я пал лицом к земле. Он рек:
«Оставь стада, иди за мною!»
Мы шли. Пред ним смиряли бег
Ручьи. Над бездною седою
Нерукотворный мост взлетал,
Лизали землю львы степные,
Где муж таинственный ступал.
Взошли мы на гору. Густыя
Внизу курились облака,
Сквозился лес, а там река
О скалы билась вековая.
Сказал он: «Видишь эту синь?..
То море. Там, за синью этой,
Есть много дебрей и пустынь;
Там горы тучами одеты;
Там реки тихия текут
Между зелеными лесами;
Там, под глубокими снегами,
Долины солнца долго ждут,
И скуден дар произрастенья...
Но не пугайся этих стран:
Высокий жребий будет дан
Странам снегов и запустенья;
Лишь только б сон их пробудил
Дух творчий, сущий в человеке,
Замкнул бы пристанями реки
И землю острым плугом взрыл...
Но вам ли, Юга воскормленцам,
Познать высокие труды
Изобретательной нужды?
Вам, избалованным младенцам,
Уразуметь закон миров,
Поработить природы силы?..
Ничтожна мощь земли сынов,
Доколь ея не озарило
Сиянье горняго огня...
Ты волен: вот тебе на выбор —
Живи безпечен, как дитя,
Как зверолов, пастух иль рыбарь,
Но блеска истины не знай,
Не ведай тайны мирозданья,
Не чувствуй гордаго сознанья,
Как зверь косматый... Выбирай!»
Пред дивным мужем, весь дрожащий,
Чело я долу преклонил,

И он главу мою накрыл
Своею ризою блестящей...
Зажмуря очи, недвижим,
Я только чувствовал, что льется
Мне в душу свет и перед ним
Глубокий мрак в ней раздаётся...
И стал я вдруг могуч и смел.
Открыл глаза — все предо мною
Сияло новой красотой —
Как бы внезапно я прозрел.
А он исчез, и кто сей странник,
Не знаю, — ангел ли святой,
Иль некий демон проклятой,
Небес сияющих изгнанник?
С тех пор размноженных людей
Не мог сносить я жизни скудной,
Мне было душно. Брег безлюдной
Пустынных волн мне был милей.
Я погружался в созерцанье
Ночных небес. Я изучил
Течение мирное светил
И тайный чин их сочетанья.
Я понял мысль, дал слово ей,
Одной чертой увековечил,
И полузверственных людей
Обожествил, очеловечил.
По воле случая они
То там, то здесь влачили дни:
В шатры, в древесныя лачуги
Из мглы пещер их вызвал я,
Запряг волов в железны плуги,
Смирил строптиваго коня...
Но что ж? Во глубине науки
Обрел я гибельныя муки
И отравил остаток дней
Какой-то карой беспощадной.
Я чуял в сердце — острый змей
Его терзал иль коршун хладной
Его живое исклевал.
Какой-то демон безпокойной
Меня тревожил жаждой знойной,
Сомненьем мысль мою смущал.
Рвался я вдаль, — слабели силы,
И дар блестящий, дар унылый,
Небесный огонь — я проклинал!

Теперь уж близок час: я гасну.
Кому ж предать сей дар ужасный?
Чей взор пред ликом Божества,
Им поражен, не онемееет?
И чья не дрогнет голова,

Когда сей огонь над ней зардеет?»
Безмолвен сонм его сынов
Пред патриархом вдохновенным,
И жены с ужасом смятенным
Внимали звук великих слов.
И изо всех, на зов науки,
Пришли с спокойствием святым
Четыре правнука, пред ним
Потупя взор, скрестивши руки.
На них глядел он, полн любви:
«Идите, правнуки мои,
Вас озарит поочередно,
Как яркой молнии струя,
Небес светильник первородной.
Ты, чернокудрое дитя,
Иди на запад! Там, где море
Покрыто грудой островов,
Есть пышный край. Там на просторе
Разросся лавр. В груди холмов
Таится мрамор. Метким ломом
От праха мрамор оторви,
И мысли молнией и громом
Его ты к жизни призови!
А ты, младенец с строгим оком
И величавостью чела,
Суровый духом перед роком,
Тебе веков грядущих мгла
Готовит власть над целым миром,
И будешь ты племен кумиром,
И как рабы они толпой
Пойдут в оковах за тобой!
А вы, юнейшие орлята,
Любимцы прадеда, — туда,
Где дремлют тундры, рдеют блата
В оковах северного льда,
Идите!.. Мир, облитый кровью,
Мир дикой силы и оков
Преобразите вы любовью
И цепи снимете с рабов.
Передаю вам огонь небесный!
Вы не угасите его!
И в мире будет повсеместно
Господней мысли торжество!
Блюдайте вы его сиянье!
Любите скорбь и испытанья,
В которых зреет мысль и труд,
Как я любил свои страданья!
Святыя скорби в воздаянье
Плоды святыя принесут!»

Умолк. В слезах, вокруг толпясь,
Лобзали избранные внуки
Его хладящие руки,
И тихо он в свой смертный час
Благословляя их, угас!

1840

СЕРБСКАЯ ЦЕРКОВЬ

Сербское предание

Именинник был царь Лазарь;
Собрались к нему все баны,
И князья, и воеводы,
И в беседе прохлаждались
Во честном, почетном пире.
Пир уж был во полупире,
Как вошла в шатер царица,
Свет-душа красна Милица.
Обложилась жемчугами,
Пояс кованный надела,
Головной покров кисейный,
Злат-венец поверх покрова;
Поклонилась супругу,
Поклонилась, говорила:
«Господин ты мой, царь Лазарь!
Мне б не след к тебе входить,
Неподобно б говорить,
Да не терпит больше сердце!
Сон я видела, и трижды
Тот же самый сон мне снится:
Все является мне старец
В клобуке и черной рясе;
Осиян небесным светом,
Держит он большую книгу;
И пречудная в той книге
Кажет мне изображенья.
На одном-то словно поле,
Только все дымится кровью,
Словно воинство какое
Полегло на нем, побито;
На другом изображенья
Церковь, словно как на небе;
От нея ж лучи исходят
Вниз на Сербскую всю землю.
И зачем являлся старец,
И зачем казал мне книгу,
Что велит по ней исполнить —
Не могла никак я сдумать.
Только сдумала одно я, —

И пришла к тебе, царь Лазарь.
Все цари, какие были
Над землею славной Сербской,
Собирали серебро, золото,
Чтобы строить Божьи церкви
И обители святых.
Ты сидишь на их престоле,
Копишь серебро и золото,
Сам по всей земле прославлен,
А для Господа, для Бога,
Ни единой не построил
Ни обители, ни церкви».

Призадумался царь Лазарь
И воскликнул громким гласом:
«Храм построю я, какого
Не бывало в Сербском царстве!
Из свинца солью основу,
Из серебра поставлю стены,
Красным золотом покрою,
А внутри весь изукрашу
Крупным жемчугом заморским
И камнем самоцветным, —
Да во славу христианам
Он на всю сияет землю!»
Повставали с мест все баны,
И князья, и воеводы,
Похваляли мысль цареву:
«С Богом, царь, благое дело!»
Только Милошь воевода
За столом один остался
И сидит, потупя очи
И глубоко вздыхая.
Заприметил свет-царь Лазарь,
Что не встал с князьями Милошь,
Посылал к нему он чашу:
«Буди здрав, князь славный Милошь!
Что сидишь, потупя очи
И глубоко вздыхая?
Аль не по сердцу речь наша? «

И вскочил князь славный Милошь,
Принял чашу в белые руки,
Поклонился, слово молвил:
«Государь ты, свет-царь Лазарь!
Не вотще царице снилось
Поле, залитое кровью,
Словно воинство какое
Полегло на нем, побито:
Прочитал ли ты в Писанье,
Во святых старинных книгах,

Что стоит про наше время?
Наше время — на исходе:
«Близок час, во онь же Турок
Приидет на нашу землю,
Царство Сербское порушит,
Попленит народ в работу».
Вот кровавое-то поле!
Если ж ты построишь церковь
Со свинцовою основой,
И серебряный стены,
Красно золото на крыше,
А внутри заморский жемчуг,
Самоцветные каменья, —
Приидет поганый Турок,
Разнесет он все и сроет.
Из свинца польет он ядер,
Будет бить им наши грады,
А серебряныя стены
Перебьет на сбрую коням,
Самоцветные каменья
Вправит в сабельны эфесы,
А все золото и жемчуг
Заберет своим туркиням,
И наложницам, и женам,
На мониста и повязки.
Церковь строить — так из камня,
Камня сераго, такого,
Чтоб ни огонь не жег палящий,
Чтоб ни меч не сек булатный,
Чтоб ни червь, ни ржа не ели;
Вместо ж злата и каменьев —
Да сияет благочестьем
И небесной светлой славой.
Пусть тогда приходит Турок.
Забирает нашу землю,
Царство Сербское порушит,
Попленит народ в работу, —
На сер-камень не польстится.
И пребудут, яко звезды,
Над землей плененной нашей
Наши каменные церкви:
Будут иноки честные,
Благодатью лишь богаты,
Славить Господа в них Бога,
Поминать царей великих
И мужей, во брани падших
За отеческую землю,
И стоять в сердцах у Сербов
Будет веки нерушимо
Царство Сербское, под верным,
Под невидимым покровом

Пресвятой Христовой Церкви...
И на эту-то вот Церковь
И указывал царице
Во святом виденье старец...»

1867

**НА 25-ЛЕТИЕ ЦАРСТВОВАНИЯ
государя императора Александра Николаевича
19 февраля 1880 г.**

Когда в разрыве бурных туч
За пролетевшим ураганом
Блеснет внезапно солнца луч
По залитым водой полянам,
По бурей взломанным лесам, —
А вокруг по суше и морям
Гремят раскаты громовые,
И тучи новья кругом, —
Такой явилася Россия
Пред молодым своим царем —
И он, еще сжимая руку
Похолодевшую отца,
Взглянул кругом — какую муку
Тут испытал он... Без конца
Казались беды и напасти,
Но в Бога и народ свой он
Великой верой укреплен
Покорно принял бремя власти...

И двадцать пять минуло лет —
Над Русью новый светит свет,
А с затаенными громами
Всё те же тучи, тьмы за тьмами,
Обволокли со всех сторон —
Наш проясневший небосклон.
И не поймет наш взор смущенный,
Чем наша Русь для них страшна?
Мы сила в мире — нас миллионы —
Но эта сила — в чем она?
Смотрите: вот алтарь походный;
Царь перед ним; полки кругом,
И нет конца толпе народной.
И миг! — пред поднятым крестом
Священный шелест пробегает,
Склонились долу знамена,
И царь колено преклоняет
И все за ним — бежит волна
Во все людское это море!..
Одна молитва в каждом взоре,

Одна у всех звучит струна,
Одно роднит всех умиление,
Один у всех источник слез,
Один в сердцах у всех — смиренность
Пример подавший нам Христос!

Мы сильны — лишь борясь с ложью,
В деянье чуя правду Божью,
Христа миротворящий дух.
И полон им, Царь молвит слово:
«Да разрешатся узы!» — вдруг
Спадают узы. Молвит снова:
«Там страждет брат наш о Христе...»
И Русь идет, и как вожатый
Ей все предносится Распятый,
Нас искупивший на кресте.

Ты, государь, с твоим народом
Одна душа! Господь продли
Твой век земной, да с каждым годом
Крепчает мощь родной земли!
Да просветляется в сознание
И в заблудившихся умах
То, что святится как преданье,
Как долг, как Божье указание
По всей Руси, во всех сердцах!